

НАША ИСТОРИЯ

УДК 02(470)(092)

Ю. Н. Столяров

Московский государственный институт культуры

**Вклад И. Д. Шумахера
в развитие русской науки и культуры.
(К 325-летию со дня рождения
первого российского библиотекаря и библиотековеда)**

Дана всесторонняя оценка вклада И. Д. Шумахера в создание Российской академии наук, её библиотеки, кунсткамеры и типографии. Приведены подлинные тексты Шумахера, демонстрирующие его отношение к порученным обязанностям и к отдельным лицам, с которыми он был связан по роду своей служебной деятельности. Объективно оценён вклад И. Д. Шумахера не только в библиотечное дело и библиотековедение, но и в более широкие сферы науки и культуры.

Ключевые слова: Иоганн Даниель Шумахер, история библиотечного дела XVIII в., история Российской академии наук, Библиотека Академии наук, академическая типография, Кунсткамера, наука, культура, музей, архив.

UDC 02(470)(092)

Yury Stolyarov

Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

**Johann Daniel Schumacher's contribution
to Russian science and culture
(On the occasion of 325-th anniversary
of the first Russian librarian and library scientist)**

The overall assessment of Schumacher's contribution to establishing Russian Academy of Sciences, its library, Kunstkamera, and printing shop is given. Authentic Schumacher's texts are cited to demonstrate his approach to his duties and attitude towards his colleagues and persons he related to by the nature of his office.

Keywords: Johann Daniel Schumacher, library history in 18-th century, history of the Russian Academy of Sciences, academic printing shop, Kunstkamera, science, culture, museum, archive.

В 2015 г. исполняется 325 лет со дня рождения первого профессионального русского библиотекаря германского происхождения *Иоганна Даниеля Шумахера* (1690–1761); имеются и другие варианты написания его имени.

С того времени, когда началась переоценка личности и деятельности И. Д. Шумахера [1] и отмечался его 300-летний юбилей [2], отношение к нему – после нескольких столетий однозначно негативного – в профессиональной среде изменилось в лучшую сторону. Появились энциклопедические статьи о нём [3, 4]; значительную роль сыграли публикации директора Библиотеки РАН В. П. Леонова, содержащие позитивную оценку деятельности Шумахера [5–9]. Новые архивные материалы опубликовала Е. А. Савельева, сотрудница БАН, в статье «Иоганн Даниель Шумахер и Библиотека Академии наук» [10].

Значение вклада И. Д. Шумахера выходит за границы только библиотечного дела и библиотековедения – оно распространяется на организацию научной деятельности в России и русскую культуру вообще.

Научное и историко-культурное значение деятельности И. Д. Шумахера

Вклад И. Д. Шумахера в отечественную науку, книжную культуру и – особо – в библиотечное дело и библиотековедение России можно суммировать следующим образом.

И. Д. Шумахер *первым* в России *официально получил должность секретаря Академии наук, библиотекаря*, и уже только поэтому его имя навечно вписано в историю Российской академии наук и российского библиотечного дела.

Так же, как и со всеми будущими членами Академии, первый её президент Л. Л. Блюментрост¹ заключил с И. Д. Шумахером контракт, по которому ему вменялось в обязанность, кроме работы в Библиотеке и Кунсткамере, заниматься в Академии секретарскими делами: *«По именному Е[го]. И[мператорского]. В[еличества]. указу, с библиотекарем Шумахером таков контракт сочинён: Обязуется оный библиотекарь, Данило Шумахер, библиотеку и кунст-камору в своём правлении иметь, как в библиотеке, так и в кунст-каморе всё порядочно содержать, в библиотеке книгам, а в кунст-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить; тако-*

¹ Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692–1755) – первый президент Академии наук и художеств (ныне – Российская академия наук) (этот пост он занимал с 7 дек. 1725 по 6 июля 1733 г.) и личный лейб-медик Петра I. По рождению он москвич, поэтому свободно владел русским языком, но столь же хорошо владел немецким, французским и латынью. (Подробнее см. [19].)

жде, дондеже академия размножится, при оной секретарское дело править. А против того, по именному ж Е. И. В. указу, обещается оному библиотекарю, Даниел Шумахеру, жалованье по осми сот рублей на год [академики в среднем получали около тысячи рублей], которое дано будет вперёд за год, как и прочим членам академии. Такжеже квартиру, дрова и свечи свободныя давать сего 1724 году генваря с 1 числа».

Поскольку Шумахеру было вменено в обязанность вести Кунсткамеру, его правомерно считать и первым официальным *музейным работником*. Он издал печатные «Каталоги всем вещам находящимся в Императорской кунсткамере» (1741-1742); в дополнение к нему в 1742–1745 гг. были выпущены также книги о Кунсткамере («*Museum imperiale petropolitane*») и о самой Академии.

Всеми этими должностями Шумахер был в значительной мере обязан Петру I, а также Л. Л. Блюментросту – приближённому императора. После смерти лейб-медика Роберта Арескина (1719 г.) на его место был назначен Блюментрост; одновременно на него было возложено заведование Императорской библиотекой и Кунсткамерой. Он взял в помощники И. Д. Шумахера и вместе с ним в начале 1724 г. представил доклад об учреждении Академии наук. Таким образом, Шумахер является *одним из идеологов концепции и одним из основателей Российской академии наук*.

Поскольку своих учёных в России не было, сразу после утверждения проекта Блюментрост стал приглашать из-за границы самых крупных учёных, которые по разным причинам не имели академического звания у себя на родине. Благодаря посредничеству выдающегося немецкого учёного-энциклопедиста, философа, юриста и математика Христиана фон Вольфа (1679–1754) в новой Академии вскоре появились такие учёные, как Якоб Герман, Георг Бернгард Бильфингер, братья Бернулли. 25 ноября 1725 г. Блюментрост был назначен президентом Академии, а её официальное открытие состоялось 27 декабря того же года.

Подчеркну ещё раз: *Шумахер стал первым секретарём Академии наук*. После смерти Екатерины I (1727) Л. Л. Блюментрост вместе со двором Петра II уехал в Москву, оставив Академию практически полностью на попечении И. Д. Шумахера как секретаря, или, по его выражению, «главного командира под президентом» над Академией. Сам Шумахер об этом сообщал так: «*В 1733 году, когда бывшей в то время Президент [Академии] господин граф Кейзерлинг² отправлен был Министром в Польшу, то он меня назначил в число тех, которым он поручил управление Академии. В 1734*

²Герман Карл фон Кейзерлинг (1697–1765) – курляндский дипломат на русской службе, в течение полугода (1733) был президентом Академии наук.

году господин камергер Корф, тогда главный командир Академии, употребил меня к правлению канцелярских дел, и учинил в посланном в Кабинет докладе весьма похвалил тех, которые прежде его были у правления Академии. <...> В 1738 году приказано было мне и господину Гольдбаху, что ныне действительным Штатским Советником, в Академии присутствовать и дела что и подписывать обще с Президентом. В 1739 году когда господин Камергер Корф поехал в Курляндию, правил я вместе с помянутым Советником Гольдбахом Академию, по данной нам от него инструкции».³ Шумахер наладил в Академической канцелярии точный учёт всех входящих и исходящих бумаг: правительственных и императорских указов, распоряжений по Академии, донесений от её сотрудников, различных договоров и расписок.

4 янв. 1728 г. Блюментрост подписал распоряжение, которым назначил в помощники Шумахеру трёх академиков, каждого на четыре месяца по очереди. Однако, посчитав себя оскорблёнными, они жаловались Блюментросту на деспотизм Шумахера. Президент не оспаривал его высокомерия, но оправдывал поведение Шумахера личной неприязнью жалобщиков в ответ на служебную требовательность Шумахера как своего доверенного лица. «Вы вынуждаете его к тому, надсмехаясь над властью, которую, как вы предполагаете, он себе присвоивает. Вам, милостивый государь, – писал Блюментрост к Дювернуа, – известно, что он секретарь и библиотекарь его императорского величества. Следовательно, ему достоин сообщать повеления его императорского величества и наблюдать за исполнениями их».

Ещё более резко и определённо Блюментрост отвечал Бюльфингеру: «... Позвольте сказать вам, что в моё отсутствие я могу поручать кому хочу заведывание академическими делами. Сверх того, г. Шумахер *не есть секретарь академии, но самый старший из членов ея и секретарь его величества* (курсив мой. – Ю. С.), назначенный по особому повелению с самого начала учреждения ея. Эта должность не была с него слагаема, и, следовательно, он состоит в ней до тех пор, пока не последует новых повелений, которые уничтожат первое» [11. С. 10].

Видя исключительную ответственность и трудоспособность Шумахера, Блюментрост поручил ему устроить типографию «и прочие учреждения по части художеств и ремёсел». Академическая типография, организованная по распоряжению Шумахера, открылась в 1727 г. и в первой половине XVIII в. была фактически единственной в Петербурге. Она выполняла многие государственные и частные заказы на все виды издательских работ.

Поскольку денежных средств Академии постоянно не хватало, Шума-

³Христиан Гольдбах (1690–1764) – немецкий математик; действительный член, первый конференц-секретарь и советник Академии наук и художеств, профессор математики (с 1725).

хер организовал при ней различные ремесленные и производственные мастерские (например, Гравировальную палату), которые часто выполняли заказы со стороны, в том числе императорского двора, и таким образом пополняли академическую казну. Новые документарные источники, связанные с академической типографией, обнаружил, описал и проанализировал В. И. Васильев [12–15].

Преемник Блюментроста – барон Иоганн Альбрехт фон Корф⁴, второй президент Академии наук, несмотря на заявление профессора астрономии Ж.-Н. Делиля «о вреде господства канцелярии над академиею», сделал Шумахера своим советником и поручил ему хранение академической казны. Это – свидетельство полного доверия руководителя к своему помощнику. (Ж. Н. Делиль обвинял Шумахера также в том, что, по его представлению, он не занимался никакими науками, кроме библиотечной.)

И. Д. Шумахера можно считать и *основателем академического архива*. Необходимость в нём возникла при разбирательстве дела Миллера о его связи с уже упомянутым академиком Ж. Н. Делилем (1688–1768), крупным французским астрономом, работавшим в Петербургской Академии наук с 1726 г. Помимо астрономии он занимался изучением и составлением географических карт нашей страны, копии которых нелегально отсылал во Францию. В 1747 г. Делиль покинул Россию и порвал связи с Академией, всячески пороча её в глазах европейской научной общественности.

Российским академикам было запрещено переписываться с Делилем и сообщать ему что-либо, касающееся русской науки. Однако было перехвачено письмо Делиля к Миллеру, в связи с чем для расследования дела была учреждена специальная комиссия, в которую вошли И. Д. Шумахер, Г. Н. Теплов, Я. Я. Штелин, Х. Н. Винсгейм, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, В. К. Триаковский и М. В. Ломоносов.

Миллер был подвергнут домашнему аресту и нескольким допросам. Его объяснения комиссии не удовлетворили, и 19 окт. 1747 г. было принято беспрецедентное решение: «Те письма, которые он в своём ответе показал, что имеются у него, без остатка взять в канцелярию, да и кроме тех все в доме его какие ни были письма на русском и иностранном языках, и рукописные книжки, тетради и свёртки, осмотря во всех его каморах, сундуках, ящиках и кабинетах, по тому ж взять в канцелярию, которые запечатать канцелярскою печатью» [16].

⁴ Барон Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766) – президент императорской Академии наук и художеств (1734–1740). Выдвинулся при императрице Анне Иоанновне. Был широко образованным руководителем, страстным книголюбом. Фонд личной библиотеки Корфа (до 36 тыс. томов) был куплен для цесаревича великого князя Павла Петровича, затем она перешла к цесаревичу Константину Павловичу.

Как бы мы ни относились к тому факту, что расследование вела не Тайная канцелярия (или какое-то иное имеющее на это официальное право судебно-следственное учреждение), а сама Академия, её члены (причём полицейские функции выполняли, и вполне охотно), важным является появление в структуре Академии наук архивного подразделения по инициативе Шумахера.

Вклад И. Д. Шумахера в библиотечное дело и библиотековедение

Шумахер руководил Академией, библиотекой, Кунсткамерой и типографией вплоть до середины XVIII в., когда он, «одряхлев, отошёл от дел», как говорилось в документах того времени. При многочисленных служебных обязанностях главной своей заботой он считал наилучшую постановку дел в академической Библиотеке.

В течение многих лет он состоял единственным хранителем фондов петровской общедоступной библиотеки и кабинета редкостей, а затем десятилетиями руководил Библиотекой императорской Академии наук и художеств. При организации Библиотеки он перенял всё лучшее из зарубежного опыта и *создал библиотеку нового для России типа*. Это была публичная библиотека, обслуживавшая всех желающих. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: библиотека *«повсянедельно дважды, а именно во вторник и пятницу пополудни от 2 до 4 часа, отперта, и всякому вход в оную свободен»* [17. С. 57]. Профиль библиотечного фонда был универсальным по содержанию и научным по целевому и читательскому назначению.

Шумахер ввёл библиотечную практику *заочный абонемент*. В течение нескольких лет он посылал В. Н. Татищеву в его подмосковное имение и в отдалённые концы России все требуемые книги и этим способствовал научным изысканиям великого энциклопедиста.

Более того, Шумахер принял на себя обязанности по комплектованию фонда личной библиотеки Татищева, закупая для неё книги и газеты, в том числе за рубежом. (В последующем такая практика в библиотечном деле не повторялась.) В благодарность за это Татищев передал в Библиотеку Академии несколько списков русских летописей, рукописные переводы научных книг. (Поскольку личные библиотеки Татищева сгорели, переданные им редкие экземпляры имеют научную ценность.) Обязался он устранить лакуны и в личной библиотеке Ганнибала [18].

Вклад Шумахера в каталожное хозяйство состоял в том, что созданные им каталоги давали полное представление о местонахождении каждой книги фонда; имелся также каталог журналов. В библиотеке вели картотеку дезидерат; был создан международный сводный каталог фондов более де-

сятка крупнейших библиотек Европы (Римского кесаря, Берлинской и Французской королевских, Оксфордской и Кембриджской университетских, Лейпцигской, Лейденской, Лондонской публичных и др.). Шумахер называл их «Разные о чужестранных библиотеках и кунсткамерах собранные каталоги». Каталоги были выпущены в 1741–1742 гг. на латинском языке в виде отдельной книги в четырёх частях.

Одними из самых серьёзных дел, совершённых в Библиотеке и Кунсткамере в начале 1740-х гг., стали составление и издание систематических каталогов обоих учреждений на латинском языке. Печатные каталоги выходили в свет с 1741 по 1744 г. отдельными выпусками. Всего выпущено 32 тетради, в которых было отражено более 15 тыс. томов. Печатный каталог Библиотеки получил название «Камерный» из-за расположения материала соответственно книжной расстановке – по помещениям, или камерам. Он послужил основой для ревизии Библиотеки и Кунсткамеры, проведённой в 1740-е гг.

Как и прочие новации Шумахера, «Камерный каталог» вызвал нарекания со стороны академиков, прежде всего Г. Ф. Миллера. Они полагали, что этот каталог не соответствует новейшим достижениям западноевропейской библиотечной науки. Однако принятая систематическая схема (деление всей науки на четыре класса: богословие, юриспруденция, медицина и философия) согласовывалась с принятой в то время научной классификацией, а расположение материала соответствовало расстановке книг в Библиотеке. Как и другие обвинения в адрес Шумахера, эта критика с научной точки зрения была несостоятельной.

Шумахер установил связь с зарубежными поставщиками литературы на разных языках. Он стремился к полноте и систематичности библиотечного фонда, при покупке книг руководствовался критерием их пользы для русской науки; начал практиковать межбиблиотечный обмен дублетными изданиями, вводя новую для библиотек форму экономичного комплектования.

Шумахер впервые ввёл в российскую практику форматную расстановку фонда, чтобы она придавала интерьеру эстетичный вид, дабы поддержать репутацию библиотеки императорского статуса. На критику М. В. Ломоносова, требовавшего систематической (факультетской) расстановки, Шумахер резонно возражал, что «иногда одна книга к разным факультетам причитаться может» [17. С. 557]. В условиях, когда экзemplярность фонда равняется единице, найти такую книгу, пользуясь только здравым смыслом (т.е. собственным представлением о том, в каком отделе она может находиться), практически невозможно, это приведёт к неоправданным отказам. Полемизируя с Ломоносовым, Шумахер упускал из виду главный аргумент: на первом месте у него фактически стояло именно систематическое разме-

шение фонда, поскольку служило первым признаком разделения фонда на естественные составные части. Библиотека представляла собой «четыре разные залы: богословскую, юридическую, методическую и философскую». Форматная расстановка осуществлялась в пределах этих подфондов, т.е. была вторым признаком деления фонда.

Шумахер посчитал необходимым ввести практику постоянного консультирования библиотекаря со специалистами, более сведущими в науках. Это тоже свидетельство его высокого профессионализма: он заботился о качестве фонда, а не о том, чтобы казаться всезнайкой в глазах президента Академии, академиков да и самого царя. Шумахер подобрал таких специалистов и, получив их согласие, обратился к Петру II, ругаясь за их квалификацию.

Большое внимание Шумахер уделял сохранности библиотечного фонда, требуя соблюдения правил пользования им от всех невзирая на лица, в том числе – от высочайших особ, а также самого президента Академии. Именно немецкая педантичность, пунктуальность и требовательность, непривычные для русского менталитета, и вызвали наибольшее недовольство у окружения Шумахера, что было причиной многих неприятностей. Стойкое неприятие личности Шумахера сохранялось на протяжении нескольких столетий и за пределами библиотековедения не изжито до настоящего времени.

Есть все основания считать И. Д. Шумахера не только успешным библиотекарем и руководителем библиотеки, но и *одним из первых российских библиотековедов.*

Тщательно изучив постановку библиотечного дела в библиотеках нескольких европейских стран и сделав по каждой из них собственное заключение, он впервые в мировом библиотековедении выступил фактически как эксперт в области сравнительного библиотековедения. Это имело большое значение, так как способствовало решительному отходу от узконациональной замкнутости, свойственной допетровской России.

Шумахер разобрался в типологии библиотек своего времени, разделив их на «публичные», т.е. библиотеки общественного пользования, и «приватные», или частные. В этом отношении он выступил как представитель общего библиотековедения.

Кроме того, И. Д. Шумахер – автор первой в нашей стране светской публикации по библиотечному и музейному делу: «Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили, приписанные её имп. Высочеству Анне Леопольдовне, правительнице всея России» (Санкт-Петербург, 1741. – 6 л. ; 12 л. ил.). Этот путеводитель заложил основу библиотечной

литературы, отражающей материально-техническую базу библиотеки. В 1744 г. он был напечатан на русском, латинском и немецком языках, что заложило основы изданий по российскому библиотечному делу.

Личность И. Д. Шумахера: факты и домыслы

И. Д. Шумахер провёл в Академии наук всю свою сознательную жизнь, беззаветно и ревностно исполняя возложенные на него обязанности [20. С. 17, 18]. Но именно такое отношение к делу и вызывало острое неприятие со стороны тех, кто не хотел ни признавать его административной роли, ни подчиняться трудовой дисциплине. Как отмечает Е. А. Савельева, недовольство единоличным правлением Шумахера во вверенном ему учреждении объяснялось и другими причинами: низким статусом членов академии, её профессоров и других сотрудников, в чём они винили Шумахера как начальника академической канцелярии [10].

Согласно Уставу, Академия наук именовалась императорской, но в табель о рангах почти все её служители включены не были и государственными служащими (с вытекающими отсюда привилегиями) не являлись. Однако И. Д. Шумахер, начавший свою карьеру в должности секретаря Медицинской канцелярии – учреждения государственного – и получивший в 1737 г. ранг коллежского советника, стал государственным служащим наряду с немногочисленными академическими сотрудниками. Те учёные, которые прибыли в Петербург не столько для служения Государству Российскому, сколько для быстрого продвижения по службе, далеко не всегда получали желаемый результат, и это вызывало чувство зависти к более удачливому собрату. Кроме того, выплата денежного вознаграждения сотрудникам Академии подчас осуществлялась с большими задержками, в чём они усматривали бездеятельность, если не злонамеренный умысел, Шумахера.

В 1742 г. на Шумахера был подан первый донос, составленный несколькими академиками и служащими, которые обвиняли его в самовольстве, грубости и заносчивости, растрате казённых средств и т.д. Комиссией, назначенной по высочайшему повелению, на время разбирательства Шумахер был временно отстранён от дел и помещён под домашний арест.

Пристрастное рассмотрение жалобы закончилось практически полным оправданием Шумахера; в качестве компенсации за моральный ущерб он получил повышение жалованья, которое сравнялось с вознаграждением академиков и даже превосходило его (гонорар за научные успехи назначался дифференцированно), что вызвало у сотрудников новую волну зависти. Жалобщики же за клевету на Шумахера были наказаны.

Время вынужденного служебного бездействия он потратил на написание (по-немецки, хотя к тому времени он освоил и русский язык) «Жития

советника Шумахера». Рукопись широко цитируется Е. А. Савельевой [10], и в данном случае цитаты из трудов И. Д. Шумахера приведены по её весьма квалифицированно выполненной публикации.

В начале своего жизнеописания Шумахер приводит сведения о своём детстве и юношеских годах: *«Я родился в 1690 году в Эльзасском городе Колмаре и как скоро родители мои определили меня к наукам, то главное их попечение было к тому, чтоб научить меня добродетели и внушить любовь к благодеянию, тихости и умеренности, а напротив того отвращение и неприличного честолюбия. В 1711 году защищал я публично при Профессоре Бартенштейне ж тезисы метафизическая о Бозе, Мире и душе... В том же году произведён я был в Магистры, и от университета удостоен особливого по стихотворной науке преимущества. В конце того года Граф Лейнингской, призвавший меня к своему двору в Гартембурге, поручил мне воспитание своих детей. Потом когда я усмотрел, что недостаёт во мне ещё многих вещей к учинению себя полезным в обществе, [то] оставил я [помянутой] двор в 1713 году и поехал во Францию. По прибытии моем в Париж получил я знакомство с господином Лефор, который тогда был Российским министром во Франции. Он принял меня к себе секретарём, чтоб ехать с ним в Россию, куда мы в конце года отправились, и в сентябре 1714-го года в Санктпетербург прибыли».*

Приведённый отрывок свидетельствует о целеустремлённости Шумахера, наличии у него организаторских качеств. Названный в автобиографии «господин Лефор» – это Пьер Лефорт, племянник близкого Петру I швейцарца Франца Яковлевича Лефорта. По приказанию Петра I он искал за границей наиболее дельных специалистов в разных научных областях, приглашая их переехать в Россию.

Затем Шумахер сообщает: *«Спустя три недели по приезде моём определён я был чрез посредство доктора Арескина⁵, тогдашнего первого лейб-медика Его Им[ператорского] Вел[ичества], и Президента Медицинского факультета, в службу Его Им[ператорского] Вел[ичества] в должности Библиотекаря Его Величества и Секретаря Медицинской Канцелярии, ко иностранной экспедиции».* От названной даты – сентябрь или октябрь 1714 г. – и ведёт начало библиотечная профессия в России.

⁵ Роберт Карлович Арескин (Эрскин) (1674–1718) – лейб-медик Петра Великого, доктор медицины и философии Оксфордского университета, член Королевского общества (английской Академии наук). В Россию прибыл по приглашению, в 1706 г. Пётр I назначил его на должность президента Аптекарского приказа. Царь высоко ценил его как неподкупного, честного учёного и преданного ему сотрудника. Богатый книжный фонд (4 200 томов) и огромные коллекции минералов и раковин по высочайшему повелению ещё при жизни Арескина были собраны для Академии наук.

К обязанностям личного библиотекаря царя, а также к секретарским полномочиям, Шумахер относился с величайшей ответственностью, чем заслужил благодарность Арескина и благосклонное внимание императора. Об этом он свидетельствует в следующих выражениях: «С 1715 по 1717 год доктор Арескин ездил с Его Императорским Вел. в Голландию и во Францию. Во время его отлучения отправлял я порученные мне дела с такою верно-стью и исправностию, что он в отпущенном ко мне из Амстердама письме весьма мне благодарил, и по возвращении своём в Санктпетербург, увидевши библиотеку и Кунст-камеру расположенныя мною с изрядным старанием, весьма рекомендовал меня государю императору Петру Великому».

Смерть Арескина Шумахер посчитал концом своей карьеры в России: «После его [Арескина] смерти в 1719 году просил я абишита [отставки], но господин Блюментрост, что ныне статским действительным советником, и которой тогда определён был на место доктора Арескина первым лейб-медиком и директором библиотеки и кунсткамеры, не хотел меня отпустить, либо по тому приятству, которое он ко мне имел, либо для знания моего обо всем что в библиотеке и кунсткамере находилось, или большие для того, что секрет о сохранении анатомических препаратов, которой государь император Пётр Великий у доктора Руйша вместе с его анатомическим кабинетом купил, в моих руках бывал и того ради предложил мне весьма полезныя кондиции для удержания меня в службе Его Императорского Величества» [11. С. 19].

Вместо отставки Шумахер получил полугодовой заграничный отпуск, чем воспользовался Пётр I, поручив ему выполнить и свои личные задания: «Увидевши он [Блюментрост], что я своего намерения пременить не хотел, предложил он мне, чтоб вместо абишиту, взял на шесть месяцев позволение. Я на то согласился и подал к Его Императорскому Величеству своё прошение, на которое Его Величество не токмо всемилостивейшие соизволил, но ещё, сверх того, три комиссии мне поручил, а именно: 1) чтоб в Парижскую академию наук отвезть благодарительное Его Величества письмо [Петру I была оказана величайшая честь: он был избран членом этой академии, и Шумахер оказался его доверенным лицом] и новосочиненную карту Каспийского моря [как подарок Парижской академии от новоизбранного академика]; 2) чтоб сыскать учёных людей которые бы желали определиться в службу Его Величества для корреспонденции, которую Его Величество намерен был содержать с помянутою академиею яко член оныя и 3) чтоб осмотреть как публичныя так и частных людей библиотеки и кунсткамеры для дутчаго и умножения собственной Его Величества библиотеки и кунсткамеры, для которой Его Величество приказал особливые и изрядные палаты на Васильевском острове построить» [11. С. 19, 20].

Возвратившись в Петербург в 1722 г., Шумахер написал подробный отчёт о своей командировке, где обстоятельно ответил на все поставленные перед ним вопросы. Этот отчёт даёт возможность судить о его взглядах на служение порученному делу, профессиональной библиотечной квалификации. Косвенно отчёт свидетельствует и о взглядах самого Петра I на перспективы развития науки и просвещения в России.

Эта поездка стала для Шумахера своеобразным повышением квалификации, поскольку он посетил десятки западноевропейских библиотек и досконально изучил их работу – вплоть до того, что переписал каталоги их фондов. Кроме того, он купил в магазинах 517 книг для русской Библиотеки.

Рапорт Шумахера был отправлен в русский лагерь под Азовом, где в то время находился Пётр I: *«Когда Его Вел., будучи в Персицком походе, уведомлён был о возвратном моем прибытии в Санктпетербург, то немедленно прислан был от Его Вел. к тогдашнему интенданту над строениями Ульяну Синявину собственноручной указ, чтоб в строении и украшении Кунсткамеры по моему указанию. Толикое было Сего монарха желание чтоб немедленно видеть в совершенстве то, что Он начал! По прибытии Его Величества в Санктпетербург учинил я Его Величеству обстоятельной репорт о моем пути...»*.

Исходящее от Петра I поручение царскому интенданту при строительстве здания неукоснительно исполнять указания Шумахера свидетельствует о том, что уже в то время (начало 1724 г.) царь сделал ставку на Шумахера как исполнителя его идеи создать в Санкт-Петербурге Академию наук. Кроме того, этот факт подтверждает непосредственное участие Шумахера в создании материально-технической базы Библиотеки и Кунсткамеры.

По достоинству И. Д. Шумахера при его жизни оценивали немногие. Наиболее адекватное отношение к нему выказали П. Лефорт и сам император Пётр Великий. Как надёжный исполнитель Шумахер устраивал практически всех президентов Академии. Так, граф А. Г. Разумовский (1709–1771), по рассмотрении всех профессорских жалоб, в декабре 1747 г. наложил следующую резолюцию: *«Советник Шумахер во всех своих поступках перед профессорами прав, и ненависть у них одним тем заслужил, что он по ревности своей к пользе и славе государственной принуждал тех профессоров, которые после того всем замешательствам и напрасным жалобам причиною были и всех возбуждали, к отправлению должности их и к показанию действительных трудов, для чего им столь знатные жалования определены»*.

Из других учёных-доброжелателей прежде всего следует назвать выдающегося энциклопедиста В. Н. Татищева (не будучи членом Академии, он имел возможность отзываться о Шумахере по его делам, т.е. объективно), составителя первого русского атласа И. К. Кириллова (1689–1737).

Противниками Шумахера (а их было много) и при его жизни и после смерти выступали, например, академики И. Вейтбрехт (1702–1747), Ж. Н. Делиль (1688–1768), Г. Ф. Миллер (1705–1783), М. В. Ломоносов (1711–1765).

В 1742 г. в Сенат был послан очередной донос. Шумахер описывает эти события следующим образом: *«Как в 1741 году господин Тайный Советник фон Бревер уволен от президентской должности в Академии, то я один правил академическими делами по 7-е число октября 1742 года, в которой день я арестован был по ложным доносам некоторых безсовестных людей, ровно два месяца после того, как я распоряжение библиотеки и кунсткамеры к окончанию привёл, над которою я трудился 28 лет, будучи к тому поощрён духом Петра Великого и оказанною ко мне особливою милостию императрицы. Екатерина Алексеевна блаженная и вечнодостойная памяти по поданным трём докладам от определённых для следствия надо мною членов, <...> котория чрез целой год и несколько месяцев с крайнею строгостию рассматривали мои поступки и дела в Академии, меня за невиннаго признали, Ея императорское Величество высочайшим своим письменным указом декабря в 5. день 1743 года повелела мне по прежнему быть у дел в Академии».*

Шумахер вернулся в Академию наук, получив повышение по службе – за оскорбление достоинства. Ставился даже вопрос о том, чтобы присвоить ему чин статского советника и назначить директором Академии [11. С. 44], но это представление Сенатом утверждено не было. Статским советником Шумахер всё же стал, но в 1754 г.

В 1744 г. Сенатским указом было предписано провести ревизию в Библиотеке и Кунсткамере. Ревизия вновь показала положительные результаты деятельности Шумахера: за время своего существования, т.е. за 30 лет, оба эти учреждения значительно выросли. В частности, первоначальный фонд Библиотеки составлял 2 тыс. томов, а на момент ревизии – 18 238 томов. Пожар 1747 г., во время которого пострадали книги и другое имущество Академии, недоброжелатели тоже ставили в вину Шумахеру. Однако комиссия и здесь встала на его сторону.

Тем не менее в последующей историографии на протяжении нескольких веков (!) личность и деятельность И. Д. Шумахера освещаются в основном в негативном ключе: «неучёный сочлен [академиком] и канцелярский деспот» [т.е. ему ставилось в вину даже то обстоятельство, что он не воспользовался служебным положением, чтобы принять статус академика или профессора, хотя преподавал в Академическом университете], «изворотливый Шумахер», «он служил большим тормозом в правильном развитии Академии», «благодаря связям и мастерски разыгранным интригам Шумахер ещё долго сохранял в своих руках значительную власть в Академии» и

т.п. И. Д. Шумахер с горечью реагировал на эти обвинения. Его противникам, как он выразился, «не я, Шумахер, отвратителен, а моё звание. Они хотят быть господами, в знатных чинах, с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всём остальном!» [11. С 52].

Конечно, идеализировать личность И. Д. Шумахера, наверное, не стоит. Он был продуктом своего времени и действовал сообразно с жёсткими обстоятельствами и нравами XVIII в. – тогда было трудно всегда оставаться, как говорится, белым и пушистым. И всё-таки в целом его позитивные качества совершенно несопоставимы с отдельными негативными чертами характера, которыми он досаждал некоторым коллегам в повседневной жизни.

В заключение хочу солидаризироваться с С. П. Лупповым – раньше многих он понял и по достоинству оценил вклад И. Д. Шумахера в русскую науку и книжную культуру. Учреждение возглавляемой Шумахером Библиотеки Академии наук, писал он, «выходило далеко за рамки развития библиотечного дела. Это была важная веха в развитии русской культуры. Создание крупнейшего книгохранилища новейшей научной литературы по всем отраслям знания позволило молодой русской Академии наук успешно развернуть работу с первых дней своего существования <...> Поставленная Петром I перед Библиотекой-Кунсткамерой задача распространения в стране знаний сделала новое учреждение одним из крупнейших культурно-просветительных центров в России, которое вместе с Академией наук содействовало развитию науки и культуры в России. Можно без преувеличения сказать, что учреждение Библиотеки Академии наук, первой в стране научной библиотеки общественного пользования <...> было одной из реформ Петра I в области культуры, и эта реформа была неразрывно связана с другими реформами Петра по преобразованию страны» [21. С. 368].

Сам Шумахер признавался: *«Я чувствую в себе внутреннее удовольствие, что я моими трудами государству и народу показал полезныя и приятныя услуги. Примеры тому: Академия наук, библиотека, кунсткамера, типография, словолитня, грьдоровальная палата и прочие департаменты...»* [11. С. 47].

Первый профессиональный библиотекарь в России был больше чем просто библиотекарь. Он был одновременно организатором нарождавшейся науки, заметным деятелем книжной культуры и культуры вообще.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Столяров Ю. Н.** Ю. В. Григорьев (1899–1973) / Ю. Н. Столяров. – Москва : Кн. палата, 1989. – С. 192–193.
Stolyarov Yu. N. Yu. V. Grigorev (1899–1973) / Yu. N. Stolyarov. – Moskva : Kn. palata, 1989. – S. 192–193.
2. **Столяров Ю. Н.** Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (К 300-летию со дня рождения) / Ю. Н. Столяров // Книга. Исследования и материалы. – Москва : Кн. палата, 1990. – Сб. 61. – С. 116–130.
Stolyarov Yu. N. Pervyy rossiytskiy gosudarstvennyy bibliotekar Iogann-Daniil Shumacher (K 300-letiyu so dnya rozhdeniya) / Yu. N. Stolyarov // Kniga. Issledovaniya i materialy. – Moskva : Kn. palata, 1990. – Sb. 61. – S. 116–130.
3. **Столяров Ю. Н.** Шумахер Иоганн-Даниил // Книга : Энцикл. – Москва : Большая Рос. энцикл., 1999. – С. 725.
Stolyarov Yu. N. Shumacher Iogann-Daniil // Kniga : Entsikl. – Moskva : Bolshaya Ros. entsikl., 1999. – S. 725.
4. **Столяров Ю. Н.** Шумахер [Иоганн-Даниил] // Библ. Энцикл. / Рос. гос. б-ка. – Москва : Пашков дом, 2007. – С. 1173.
Stolyarov Yu. N. Shumacher [Iogann-Daniil] // Bibl. Entsikl. / Ros. gos. b-ka. – Moskva : Pashkov dom, 2007. – S. 1173.
5. **Леонов В. П.** Библиография как профессия / В. П. Леонов. – Москва : Наука, 2005. – С. 71.
Leonov V. P. Bibliografiya kak professiya / V. P. Leonov. – Moskva : Nauka, 2005. – S. 71.
6. **Леонов В. П.** Библиотека Академии наук: опыт биографии / В. П. Леонов ; Рос. акад. наук ; Б-ка Рос. акад. наук. – Москва : Наука, 2013. – С. 38–55.
Leonov V. P. Biblioteka Akademii nauk: opyt biografii / V. P. Leonov ; Ros. akad. nauk ; B-ka Ros. akad. nauk. – Moskva : Nauka, 2013. – S. 38–55.
7. **Леонов В. П.** Иоганн Даниель Шумахер: между библиотекой, академией и двором / В. П. Леонов // Петерб. библ. шк. – 2014. – № 3. – С. 3–5.
Leonov V. P. Iogann Daniel Shumacher: mezhdru bibliotekoy, akademiey i dvorom / V. P. Leonov // Peterb. bibl. shk. – 2104. № 3. – S. 3–5.
8. **Леонов В. П.** Наш Шумахер / Валерий Леонов // Известия. – 2010. – 6 сентября.
Leonov V. P. Nash Shumacher / Valeriy Leonov // Izvestiya. – 2010. – 6 sentyabrya.
9. **Леонов В. П.** Судьба библиотеки в России : роман-исследование / В. П. Леонов. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 125–221.
Leonov V. P. Sudba biblioteki v Rossii : roman-issledovanie / V. P. Leonov. – Sankt-Peterburg, 2000. S. 125–221.
10. **Савельева Е. А.** Иоганн Даниель Шумахер и Библиотека Академии наук / Е. А. Савельева // Немцы в России : петерб. немцы. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 9–19.
Saveleva E. A. Iogann Daniel Shumacher i Biblioteka Akademii nauk / E. A. Saveleva // Nemtsy v Rossii : peterb. nemtsy. – Sankt-Peterburg, 1999. – S. 9–19.

11. **Пекарский П. П.** История Академии наук в Петербурге Петра Пекарского / П. П. Пекарский. – Санкт-Петербург : Отделение русского языка и словесности Акад. наук, 1870. – Т. I. – LXVIII, 775 с.

Pekarskiy P. P. Istoriya Akademii nauk v Peterburge Petra Pekarskogo / P. P. Pekarskiy. – Sankt-Peterburg : Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Akad. nauk, 1870. T. I. – LXVIII, 775 s.

12. **Васильев В. И.** Академическая книга и книжная культура в истории Российской и мировой культуры (к 285-летию академического книгоиздания и книгораспространения) / В. И. Васильев // Книга. Исследования и материалы. – 2013. – Сб. 99/1-II. – С. 95–105.

Vasilev V. I. Akademicheskaya kniga i knizhnaya kultura v istorii Rossiyskoy i mirovoy kultury (k 285-letiyu akademicheskogo knigoizdaniya i knigorasprostraneniya) / V. I. Vasilev // Kniga. Issledovaniya i materialy. – 2013. – Sb. 99/1-II. – S. 95 105.

13. **Васильев В. И.** Издательская деятельность Академии наук в её историческом развитии (от зарождения до наших дней). В 2 кн. / В. И. Васильев ; Рос. акад. наук ; Науч. совет по истории мировой культуры – Москва : Наука, 1998–1999.

Vasilev V. I. Izdatelskaya deyatel'nost Akademii nauk v ee istoricheskom razvitií (ot zarozhdeniya do nashih dney). V 2 kn. / V. I. Vasilev ; Ros. akad. nauk ; Nauch. sovet po istorii mirovoy kultury – Moskva : Nauka, 1998–1999.

14. **Васильев В. И.** Первая Академическая типография в истории книги и книжной культуры / В. И. Васильев // Книга. Исследования и материалы. – 2012. – Сб. 98–99. – С. 5–12.

Vasilev V. I. Pervaya Akademicheskaya tipografiya v istorii knigi i knizhnoy kultury / V. I. Vasilev // Kniga. Issledovaniya i materialy. – 2012. – Sb. 98–99. – S. 5–12.

15. **Васильев В. И.** Становление и развитие академического книгоиздания России (к 275-летию издательской деятельности Российской академии наук) / В. И. Васильев // Там же. – 2002. – Сб. 80. – С. 303–323.

Vasilev V. I. Stanovlenie i razvitie akademicheskogo knigoizdaniya Rossii (k 275-letiyu izdatelskoy deyatel'nosti Rossiyskoy akademii nauk) / V. I. Vasilev // Tam zhe. – 2002. – Sb. 80. – S. 303–323.

16. **Пекарский П. П.** История Академии наук в Петербурге Петра Пекарского / П. П. Пекарский. – Санкт-Петербург : Отд-ние русского языка и словесности Акад. наук, 1873. – Т. II. – С. 349–352.

Pekarskiy P. P. Istoriya Akademii nauk v Peterburge Petra Pekarskogo / P. P. Pekarskiy. – Sankt-Peterburg : Otd-nie russkogo yazyka i slovesnosti Akad. nauk, 1873. T. II. S. 349–352.

17. **История** Академии наук СССР. В 3 т. (1724–1803). – Москва-Ленинград : Наука, 1998. – Т. 1.

Istoriya Akademii nauk SSSR. V 3 t. (1724 1803). – Moskva-Leningrad : Nauka, 1998. – T. 1.

18. **Столяров Ю. Н.** Абрам Ганнибал – личный библиотекарь Петра Первого / Ю. Н. Столяров // Библиотека. – 2009. – № 8. – С. 47–50.

Stolyarov Yu. N. Abram Gannibal – lichnyy bibliotekar Petra Pervogo / Yu. N. Stolyarov // Biblioteka. – 2009. – № 8. – S. 47–50.

19. **А. Э. Блументрост** (Лаврентий Лаврентьевич) / А. Э. // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1891. – Т. 4 (7а). – С. 110–111.

A. E. Blumentrost (Lawrence Lavrentevich) / A. E. // Entsikl. slovar Brokgauza i Efrona. – Sankt-Peterburg, 1891. – T. 4 (7a). – S. 110–111.

20. **Р-в В. Шумахер** (Иоанн-Даниил или Иван Данилович, (1690–1761) / В. Р-в // Там же. – Санкт-Петербург, 1904. – Т. 40 (79).

R-v V. Shumaker (Ioann-Daniil ili Ivan Danilovich, (1690 1761) / V. R-v // Tam zhe. – Sankt-Peterburg, 1904. – T. 40 (79).

21. **Луппов С. П.** Книга в России в первой четверти XVIII века / С. П. Луппов. – Ленинград, 1973.

Luppov S. P. *Kniga v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka* / S. P. Luppov. – Leningrad, 1973.

Yury Stolyarov – Dr. Sc. (Pedagogy); Prof., senior researcher, Analytic Department, “Nauka” Publishing House, Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of Culture;

yn100@narod.ru

90 Profsoyuznaya str., Moscow, 117864, Russia